

Покидать прежнее место всегда грустно. Как бы оно ни было ненавистно, человек влюбляется в свои неудобства, лишения и начинает скучать по ним, если даже не нуждаться в них, как в легком наркотике, способном на время смазать шестерни сознания.

Саша сидел, прислонившись виском к раме стекла своего купе, и смотрел в темноту. За спиной остались два года работы лаборантом, взрыв лаборатории, отравление и увольнение по состоянию здоровья и, собственно, прекращение работы. Оставалось только одно дело, казавшееся малоприятным.

Его напарник, готовивший оборудование с ним в тот вечер, тоже Саша, но Шимонович, погиб при взрыве почти моментально, и теперь нужно было сообщить родственникам. Таковых в личном деле не обнаружилось, однако Шимоновичу приходили письма от некой Марины, о которой он ничего не рассказывал, и, когда стали разбирать завалы, нашли среди вещей Шимоновича пачку писем, вплавившихся в плотный пакет и практически не поврежденных. На конверте был написан крупным, почти ученическим почерком адрес Надеждиной Марины Андреевны. Саша видел, как его коллега убирал, торопливо сгибая, листочки, когда кто-нибудь заставлял его пьющим одиноко чай в каптерке. Однажды в уборной из-под ободка начали вымываться мелкие кусочки фотографии. Это случилось как раз после очередного письма, и логично было полагать, что это была фотография Марины.

Саше не хотелось ехать к ней — с работой он до сих пор не определился, компенсация, выплаченная ему, была невелика, да и вообще он не любил копаться в чужих отношениях и пересудах. Ему претило совать нос в чужие драмы и фарсы, он даже полагал это неприличным и, произнося про себя «Не суди сам, да несудим будешь», всегда помалкивал, когда другие сплетничали. И вот сейчас надо выяснять, с кем встречался Саша, отвечать на нудные расспросы о, в сущности, неизвестных ему обстоятельствах гибели и, наконец, утешать абсолютно незнакомую женщину, которая наверняка будет биться в истерику.

Время было за полночь. Он открыл чемоданчик, нашел пару бутербродов, пакетик чая и те самые письма, завернутые еще раз в тонкий пакетик из-под хлеба. Немного посидев, он сходил к проводнику, взял стакан, налил чаю и стал с нарастающим напряжением жевать бутерброды. Потом открыл чемодан и повертел в руках пачку писем. Убрал ее и закрыл чемодан. Затем пугливо обернулся — в купе, кроме него, никого не было, запер дверь на задвижку и, достав пачку, вскрыл ее ножом с прилипшими после резки бутербродов крошками. Любопытство взяло верх.

Внутри лежали сложенные вдвое листочки, отпечатанные на машинке. «Почему на машинке? Компьютера нет?... Странная мода...» Иногда строки насаживали друг на друга, словно печатавший сидел, уткнувшись носом в клавиатуру, и не обращал внимания, что забыл вовремя повернуть валик на каретке. На листах не было красных строк, часто печать велась с маленькой буквы. Письма не содержали почти никакой конкретной информации. «Дорогой, я устала ждать — ты так редко пишешь. Я устала от этого вечного одиночества, вползающего по вечерам в комнату, подкрадывающегося к моему креслу сзади и сжимающего меня ледяными лапами. Только ты, я знаю, только ты сможешь отогнать его. Только твои руки способны...»

Просмотрев пару-тройку писем, Саша устало отложил их: любопытство получило то, чего просило, махнуло рукой и улеглось вновь. Читать чужую любовную переписку, излишне метафоричную и целомудренную, ему было неинтересно. Единственное, что он уяснил: его коллега познакомился с Мариной или на работе, которой он занимался до перехода в закрытую лабораторию, или через объявление в газете уже после трудоустройства, и практически не виделся. Единственное, что показалось ему странным — на конвертах не было ни фамилии, ни даже отчества. «Саше, комната 315», и все. Однако никаких объяснений этому не находилось, и, успокоившись на этом, он аккуратно, стараясь не лечь на свои еще свежие швы, улегся на полку и уснул.

Утро было туманным, простуженным и серым. Небольшой город, в котором надо было сойти, поезд проезжал в шесть утра. Поеживаясь и пошатываясь после сна, Саша подошел к единственному такси, жавшемуся на привокзальной площади, и попросил его отвезти на Дзержинского восемь.

Дом затерялся в глубине двора среди сада и труб отопления, ржавыми арками вздымавшихся над тропинкой. К самому дому подъехать не получалось, так что пришлось пройти по почти заросшей тропинке и намочить о росу ботинки. Третий — верхний — этаж, темный подъезд с исписанными стенами, долгий, но слишком тихий звонок. Наконец дверь хрустнула.

— Саша! Сашенька! Саша! — кинулась к нему из темной комнаты тень, повисла у него на плечах и стала горячо шептать, примешивая к радости слезы. — От тебя даже пахнет так, как от письма, которое ты тогда еще писал. Помнишь?

Девушка радостно тыкалась ему в плечо, словно слепой котенок, тонким чутким носом терлась лбом о его щеку. Наконец отступила во мрак:

— Проходи, Сашенька, ну что ты встал.

Притянула его к себе и незаметным жестом закрыла дверь. Не успел Саша сообразить что к чему, как девушка стала, едва касаясь, водить по его лицу ладонью, шепча скорее для себя, хотя тоже с нежностью, к которой была примешана доля восхищения: — Так вот какие у тебя нос, брови... и щетина... может, тебе дать бритву?... мм...

Саша ошарашенно смотрел на голубовато-белые, лишённые зрачков глаза, пару раз словно направившиеся на него, когда девушка с шумом выдыхала запах его кожи. Она, едва касаясь, ощупала его тело, потом снова прижалась, мечтательно вздохнула и зашептала:

— А я тебя таким и представляла... ты такой замечательный... А почему у тебя шрамы еще свежие?

Он не успел ответить, как она схватилась руками за голову, почти наигранно, почти картинно:

— Ой, я же забыла, вот выключатель, тебе же нужен свет.

Пока Саша медленно оборачивался, Марина метнулась к стене и щелкнула. Свет резанул по глазам. Квартира была неухожена, со стен местами сползали куски обоев, пол облупился, и по углам пыль сбилась в сизоватый нестираемый налет.

Марина отошла к стене и встала, выжидая, когда Саша разденется. Она была красива. Не той плодово-ягодной красотой, стремящейся двусмысленно прикрыться за небрежными лоскутами, а особенной, утонченной, красотой загнанного, отощавшего оленя, лозы, высохшей на слишком бесплодной почве. Она была женственна на грани угловатости, робка, пуглива и необычайно пластична. Несмотря на слепоту, она перемещалась по квартире, уворачиваясь от столиков, тумбочек, дверей. Саша стоял, не шевелясь, проваливаясь в бездну понимания, что эта хрупкая девушка и была той самой Мариной, обрывки фотографии которой плавали по унитазу.

Саша словно в анабиозе снял куртку, и Марина тут же, приобняв его, повела в гостиную, обливаясь слезами радости и шепча:

— Как ты доехал? Что было интересного? Какая там погода? И, прижавшись к нему:

— Любимый, почему ты ничего не писал? Ты же такой чудесный. Такой приятный, и на ощупь тоже. Садись. Я тебе специально сварила суп...

Саша понял, что сказать о смерти Шимоновича он не сможет ей ни сейчас, ни потом. Он лихорадочно соображал, что же делать, когда она внесла две налитых до краев тарелки супа.

— Кушай, любимый.

Она пристроилась сзади и стала нежно гладить его, положив подборок на плечо.

— Ну что ты дрожишь? Все хорошо, мы вместе.

Когда он доел, она прижалась к нему и начала еле слышно шептать:

— А мне казалось, что с тобой случилось что-то очень страшное... Знаешь, я так боялась, мне все время снились кошмары... Тетя Зина — помнишь, я тебе про нее писала? Она письмо твое читала... Давала мне успокоительное... А теперь ты здесь, и ты живой, только пораненный... — она поцеловала, едва касаясь губами, шрам, пересекший правую половину лба.

Саша медленно, неверной рукой обнял ее, погладил по талии, затем склонился к ней и осторожно дотронулся губами до ее носа.

Все счастливые семьи, может быть, и похожи друг на друга, но только с виду. Саша и Марина действительно представляли с виду образцовую семью. Саша устроился в ремонтное ателье, едва ли не на руках носил жену, стремясь избежать разногласий.

Однако все время его мысли были поглощены невысказанной болью, причиняемой ему совестью. Он обманул Марину, обманул всех, выдав себя за того самого безродного Сашу, фамилии которого здесь и не знали. Единственное, в чем не лгал: он полюбил Марину — практически с первого взгляда.

Он стал нервным, по ночам часто вставал и выходил курить. Если Марина интересовалась, о чем он беспокоится, то отговаривался тем, что это воспоминания о взрыве в лаборатории. Она целовала его в плечо и уходила.

Иногда он выходил за город и долго бродил по лесу, крича истошно «Почему!!», иногда падая на землю и долго лежа там без движения, словно пытаясь слиться с землей, гниющими листьями. Боль и угрызения совести перед мертвым приятелем не отпускали его почти никогда.

Однажды он решил переклеить обои. Встав на табуретку, Саша начал шарить по антресолям, ища клей или сохранившиеся рулоны бумаги. Раньше Марина жила с теткой, умершей, когда ей было двадцать. Его внимание сразу привлек пыльный кейс, точно такой же, как у него. Тотчас он крикнул несколько настороженно:

— Марин, что тут за чемодан стоит?

— Ты не помнишь? Ты же ко мне присылал приятеля, хотел, чтобы я его у себя держала. Приятель такой странный оказался, молчаливый, испуганный...

Поздоровался, потом стоял, словно призрак увидел, а потом что-то пробормотал вроде «спасибо» и убежал... Хотя меня почему-то часто боятся.

Дрожащий от страха Саша спустился и обнял жену.

Ночью он вылез из постели, тихонько взял чемодан, настольную лампу и, поставив на кухне чайник, открыл кейс.

Последний содержал около двадцати плотно исписанных тетрадей. Шимонович был аккуратистом, поэтому читать его записи труда не составляло. Это были дневники. Отметая школьные и студенческие записи в стиле «Как мне все это надоело. Одиночество есть осознанная необходимость в людях, которых нет рядом...», Саша приступил к более поздним записям.

Последняя тетрадь была не закончена. Начиналась она так: «Итак, шикарный вид. Начинаю новую страницу своей идиотской биографии. Сегодня в «Красном уголке» познакомился с одним человеком, даже можно сказать певцом. Истинный русский интеллигент... Он ушел от первой жены и женился на слепой. И теперь преспокойно гуляет где хочет, делает что хочет и живет на ее пособие по инвалидности. Плюс прописка. А что если мне того? Тоже найти себе что-нибудь в этом духе. Жизнь — всеобщий эксперимент, так почему бы тоже тут не поэкспериментировать?»

Далее шли описания того, как он случайно наткнулся на объявление, данное Мариной соседкой о найме сиделки на три недели, пока ей нужно съездить в Новокузнецк. Продумал схему с ошибкой номером, нашел адрес, осуществил план, поразив Марину заученными заранее, весьма оригинальными фразами. После чего устроился в лабораторию, что сделало общение затруднительным. Со временем Шимонович разочаровался в своих замыслах и усыпал страницы проклятиями в адрес Марины, которой он не хотел даже отвечать, надеясь, что она «перебесится».

В какой-то момент, видимо напившись, он исписал страницу косо, рассуждая о том, что все эти записи у него могут изъять из-за секретности проекта. В результате чего он решил наведаться к Марине и оставить этот чемодан у нее — кто станет искать его бумажки у никому не известной слепой девушки. После этого он написал ей, сообщив, что пришлет приятеля с чемоданом, и, как явствовало из последней записи, отправился к ней сам, посмотреть, что она из себя представляет.

В душе было пусто и немного побаливало, словно Саше то ли не хватало прежней боли, то ли она еще продолжалась по инерции. Он так и не осознал, что, в сущности, был куда более прав, чем настоящий Саша, Шимонович. Было сложно представить, что его приятель на самом деле вынашивал подобные мысли, отнекиваясь, что пишет рассказы, если его вдруг заставали пишущим в комнате.

Наконец понимание снизошло на него. Он бросился в комнату, разбудил жену поцелуями и шепотом: «Теперь все будет хорошо, ты со мной, милая». Та, проснувшись, несколько удивленно привстала на локтях, прислушалась, затем укоризненно сказала: «Ты забыл выключить чайник» и босыми ногами зашлепала на кухню. Шипение прекратилось. Затем раздался ее возглас: «Саш, а что тут за тетради?»

Все внутри Саши оборвалось. Он быстро стал соображать, что сказать по поводу содержания последней тетради, которую, кажется, так и бросил открытой на последней записи на столе. Недописанный роман? Наблюдения? Или что? Вдруг челюсти свело непроизвольной судорогой — он понял, что Марина никогда в жизни не прочтет ни строчки, написанной рукой Шимоновича. После почти минутной паузы Саша облегченно выдохнул:

— Да так, конспекты по матфизике... Надо выбросить... и добавил про себя, успокоенно отходя ко сну: «Всё бы так выбрасывать...»

